

Верхейл Кейс

«Я ТЕБЕ ПРИВЕЗУ ИЗ ГОЛЛАНДИИ LEGO...»
(Эскиз мемуарно-исследовательской статьи)

С точки зрения банальной и поверхностной, я познакомился с Борисом Рыжим совершенно случайно. Собираясь в очередной раз в Петербург, мы с моим голландским другом решили совершить в России добавочную поездку в незнакомый и, по представлениям иностранца, более или менее экзотический город. Почему наш выбор пал именно на Екатеринбург, не скажу. Скорее всего, тут играли роль исторические ассоциации: например, смерть Николая II и его семьи, о которой я читал еще в детстве в биографии царя, переведенной с немецкого и полученной мной в подарок от одной чудаковатой тетки. К тому же, играли роль, несомненно, красота старого и только что возвращенного названия знакомого нам из уроков географии Свердловска, сознание того, что этот город был запрещен для нас еще совсем недавно, и романтические представления о горном ландшафте Урала. Несмотря на то, что большинство питерских и московских друзей нам убедительно не советовали ехать в такую, по их выражению, неинтересную глубинку и предлагали, кто Самару, кто Ярославль, мы решили последовать за своей интуицией.

Перед самой поездкой Кирилл Кобрин, мой знакомый русский эссеист, дал телефон — как потом оказалось, с ошибкой — молодого екатеринбургского поэта, с которым, по его мнению, мне стоило познакомиться. Фигура Бориса Рыжего мне уже была несколько известна по подборке его стихов под названием *From Sverdlovsk with Love*, напечатанной в журнале «Знамя», которая, как я вспомнил, на меня произвела на редкость сильное впечатление оригинальностью своей тематики и свежестью своего языка.

В Екатеринбурге я звонил раз пять по полученному дефективному номеру. Никто не отвечал, и я, правда, не слишком жалел об этом. Зачем навязывать себя талантливому молодому человеку, которому, вероятно, не будет дела до иностранного туриста? И зачем мне тратить свое время на уральского парня, которого я почему-то начинал представлять себе не то как

местного ксенофоба в толстых интеллигентских очках, не то как молодого Распутина?

По настояниям своего спутника, я в предпоследний день отыскал правильный номер Бориса Рыжего через редакцию журнала «Урал». Оказалось, что он, по его словам, уже предупрежденный нашим общим знакомым, меня с нетерпением ждет, и в следующее же утро, накануне моего отъезда, мы встретились в издательстве «Урала». Маленькая компания, состоявшая из двоих голландцев и двоих екатеринбургских поэтов, Бориса Рыжего и Олега Дозморова, переместилась затем из редакции на квартиру бориных родителей.

О своих впечатлениях за те пять или шесть часов, проведенных рядом с ним, расскажу самое, со своей точки зрения, поразительное и существенное. Встреча была как будто повторением старой сцены, неожиданным новым вариантом одной, казалось бы, уникальной и ключевой в моей жизни встречи, которая имела место тоже в России, но более тридцати лет назад. Разница была только в том, что, когда я познакомился с Иосифом Бродским и первый раз с ним говорил в его ленинградском родительском доме, нам обоим было двадцать семь. А теперь поэту, с которым я так же мгновенно, в первую же минуту, подружился и который на меня смотрел глазами Иосифа, было двадцать шесть, т.е. примерно наш с Бродским тогдашний возраст. А мне, оставшемуся после смерти последнего без друга-поэта, было шестьдесят. Что я хочу этим сказать? За свои теперь шестьдесят с лишним лет я был знаком с достаточно многими поэтами, и хорошими и посредственными, и в России и на Западе. Но только в компании двух из них я инстинктивно чувствовал, слышал, видел своими глазами тот особенный источник энергии, ту искру или, если хотите, то присутствие божественного начала, с которым с времен древности связан специфический смысл слова «поэт». Я не говорю о поведении. В отличие от иных собратьев по поэтическому ремеслу, ни Бродский ни Рыжий нарочно не изображали из себя поэта. Даже, пожалуй, наоборот. Упомянутые мной встречи проходили вполне нормально, весело и без тени претенциозной возвышенности. По-видимому, речь здесь идет о том, для чего существует определенный термин, хотя

Кейс Верхейл (Нидерланды) — доктор филологии, специалист по творчеству А.А. Ахматовой, автор книг о Ф.И. Тютчеве и И.А. Бродском, лауреат российской литературной премии им. П.А. Вяземского.

определить его содержание почти невозможно. Просто знаешь, когда с ним сталкиваешься. Или вернее, в двух случаях я это знал.

Теперь несколько слов о бориной поэзии. Ощущение, создавшееся у меня после моего первого чтения его стихов и, тем более, после моего слушания их в его собственном чтении в этот день, 21-го сентября 2000 г., потом подтвердилось. Судя по количеству стихотворений «Памяти Б.Р.» и по некрологам, появившимся в прошлом году в русской прессе, Борис Рыжий считается многими самой значительной фигурой своего поколения в отечественной поэзии. А что касается Западной Европы, могу передать два радостные известия. В Голландии готовится к началу 2003 г. двухязычная антология его поэзии с обширным предисловием. В Италии я показал его стихи одному из лучших переводчиков русской поэзии. Она — сама поэт — пришла от них в восторг и в ближайшее время подборка стихов Бориса Рыжего с ее комментарием должна появиться в самом престижном журнале, посвященном исключительно поэзии. Я убежден, что эти две публикации будут только началом.

О своем понимании его поэзии не буду распространяться. Лишь некоторые мысли об одной ее грани. Фигура субъекта-героя наряду с тематикой постсоветской провинциальной тоски и бандитизма, конечно, первое что бросается в глаза в этой поэзии. Но мне хочется обратить внимание на другое. Стихи Бориса Рыжего с самого начала моего с ними знакомства меня поражали своей небывалой музыкальностью. Небывалой с точки зрения иностранца — ведь именно пренебрежение музыкальной стороной поэзии характерно для большинства современной поэзии на Западе. Но, если я не ошибаюсь, тонкая мелодичность стихов Бориса Рыжего редка, чуть не уникальна и в рамках теперешней русской поэзии. Рыжий мне представляется продолжателем той линии в русской поэзии, которая стояла под знаком так называемой мелодики стиха и которая во второй половине XX века как будто исчезала с одной стороны за интеллектуальностью, а с другой стороны за звучностью более грубого типа. Линия, о которой я говорю, это, среди прочих, линия Лермонтова, Блока, позднего Мандельштама.

Говоря о мелодичности, как существенном признаке поэзии Бориса Рыжего, я не имею в виду только ее звучание. Мелодика, в этом случае, в той же степени внутренний принцип, так

что помимо мелодики в буквальном смысле можно говорить и о мелодике стиля, мелодике мыслей и мелодике чувств.

Если вникать в загадку психологического механизма бориных стихов, то мы можем предположить, что это — поэзия человека, очевидно находившегося под воздействием реальных контрастов такой силы, что в жизни своей он не смог с ними справиться. Эти контрасты в его биографии и в его душевном строе и привели к ужасу его добровольной смерти. Но пока он был жив, они время от времени находили хотя бы символическое разрешение в необыкновенной гармонии его стихов.

Поэтика Бориса Рыжего, как я ее понимаю, состоит именно в настойчивой попытке решения экзистенциальных контрастов за счет мелодики.

К примеру возьму следующее стихотворение, включенное в сборник 2001-го года «На холодном ветру» и написанное по всей видимости в первой половине 2000-го года.

Я тебе привезу из Голландии Lego,
мы возьмем и построим из Lego дворец.
Можно годы вернуть, возратить человека
и любовь, да чего там, еще не конец.
Я ушел навсегда, но вернусь, однозначно, —
мы поедем с тобой к золотым берегам.
Или снимем на лето обычную дачу,
там посмотрим, прикинем по нашим деньгам.
Станем жить и лениться до самого снега.
Ну, а если не выйдет у нас ничего —
я пришло тебе, сын, из Голландии Lego,
ты возьмешь и построишь дворец из него.

Как образец бориного мелодического дара почти любое другое его лирическое «произведение» пригodiлось бы в равной степени, но по понятным причинам только что процитированные стихи мне как-то особенно дороги. Название страны, где я родился и куда пригласили молодого екатеринбургского поэта участвовать в знаменитом фестивале Poetry International за несколько месяцев до нашего с ним знакомства, здесь играет роль как бы центрального музыкального мотива. В первой же строке главный сюрприз заключен, конечно, в слове Lego, сугубо современном иностранном термине из области подарков для детей. По смыслу это сюрприз полный - неподготовленному читателю кажется, что после «Я тебе привезу из Голландии...» должно последовать что-нибудь взрослое и романтическое вроде «тюльпаны» или, с чуть пониженной романтичностью, «сыр». Слово Lego тут поражает своей нетривиальностью, но вместе с тем и своей мгновенной музыкальной убе-

дительностью. Ударное гласное в первом слоге Le- искусно подготовлено настойчивыми «е» в начале строки. Но самое богатое фонетическое соотношение заключается, несомненно, в параллели между словом Lego и первым слогом предыдущего слова «Голландия». По чисто музыкальной логике, выявленной русским поэтом с чутким слухом, Голландия — страна игрушечная, созданная из материала, удобного для детских рук и детского воображения.

В целом, стихотворение Бориса напоминает структуру, которая в музыкальной композиции известна как «песенная форма». Структура эта тройного типа: начало, потом другая часть, потом повторение начала, но с измененными ассоциациями, в неизменном ключе.

В случае стихотворения «Я тебе привезу из Голландии Lego» подобная форма явно связана с биографическим фоном. После обращения к еще не названному ребенку, которому обещается подарок из далекой Голландии, следует сравнительно длинное амбивалентное размышление об уходе из дома, уходе из семьи, уходе из жизни. Желание не оставлять любимого существа постоянно чередуется с предчувствием неизбежного конца. А в заключительных строках повторяется обещание подарка. Разница с первыми строками заключается, в первую очередь, в прямоте и повышенной эмоциональности обращения. Вместо полустушия «Я тебе привезу» получается «Я пришлю тебе, сын». Ясно не только, кому предназначен подарок, но и то, что о возвращении отца «оттуда» речи, скорее всего, не будет.

Вместе с изменением «привезу — пришлю» изменяется и вся тональность. Заключительные рифмы на мрачное «о» контрастируют с первоначальными «е» в соответствующих местах. От уютного «мы» второй строки остаются разделенные навсегда в своем одиночестве «я» поэта и «ты» его сына. А что касается Голландии, из места, откуда приходят подарки, она по своим ассоциациям превращается в подобие той «страны» из знаменитого шекспировского монолога, «откуда ни один не возвращался». (В переводе Пастернака. Насколько переключка со всей речью Гамлета «Быть или не быть» в стихотворении Рыжего сознательна, не берусь судить. Но так или иначе она поразительна).

Та мелодика контрастов, которую мы наблюдаем в звучании и мышлении, определяет и стилистическую особенность нашего стихотворения. Как часто бывает в поэзии Бориса Рыже-

го, тут ведется игра то конфликтующих между собой, то проникающих друг в друга и взаимно модифицирующих слоев лексики. На неожиданность слова Lego в начале стихотворения я уже обратил внимание. И в дальнейшем слова, напоминающие конкретную, каждодневную обстановку, чередуются с словами или оборотами, носящими ореол абстрактной поэзии, идилличности, приподнятых чувств. Можно в этой связи говорить о двух стилистических планах: одном высоком, райском и другом относительно низком, земном. Подобно как «дворец» контрастирует с «обычной дачей», фраза, как бы взятая из элегии классически чистой пробы, заканчивается современным, как бы небрежно взятым с улицы или из телевизора, выражением «однозначно». Характерно, что взаимопроникновение «райского» и «земного» планов приводит не только к иронии, но и к более сложным и богатым модификациям. Вспомним, например, еще раз в слово «дворец». Под воздействием той музыки, которая одухотворяет стихотворение на всех его уровнях, «дворец» в последней строке уже не только та миниатюрная реплика, которую ребенок может строить из Lego. Одновременно он и та «дача», где отец с сыном жили бы счастливо вместе, если... Но в смысловую гармонию этого слова входит еще больше. На расстоянии, «дворец» становится образом того внутреннего счастья, которое в своем будущем сын должен будет строить самостоятельно. В конце концов, как мне представляется, таким «дворцом» становится и само стихотворение. Каждый читатель, кому на это хватит внимания и сочувствия, на радость себе строит эту грустно-очаровательную игрушку заново из завещанных поэтом слов.

В ходе предыдущих рассуждений я уже намекал на биографическую основу разбираемых стихов. Предположительно, они возникли во время приготовлений поэта к поездке в Роттердам, первой его поездке вне России. В стихотворении его мысли сосредоточены на его семилетнем ребенке, который оставался дома в Екатеринбурге, когда отец-поэт находился перед еще более далекой и незнакомой публикой, чем месяцев пять раньше, когда его пригласили в Москву для получения премии Антибукер. Судить о душевном состоянии Бориса в период между обеими поездками мы можем хоть отчасти по короткому электронному письму с датой 13 апреля 2000 г., которое я обнаружил в архиве

Poetry International. В ответ на просьбу организаторов фестиваля выбрать одно собственное стихотворение для прочтения на специальном вечере под названием «Оракул», где участники должны выявить свои «предсказания, мысли, мечты, советы или намерения» насчет будущего — напоминаю, что с шумом шел год нового тысячелетия — Борис Рыжий посылает свое произведение «Не покидай меня, когда» с надписью «И.К.». А в сопроводительной заметке он по-английски объясняет этот выбор так: «Посылаю Вам стихотворение о любви и смерти — чего же другого можно ждать от будущего».

«О любви и смерти» — такое указание мне представляется многозначительным и для стихотворения «Я тебе привезу из Голландии Lego», написанного приблизительно в то же время, как и упомянутое письмо. О второй теме, смерти, я уже более или менее высказался. Так что добавлю лишь несколько слов о первой. В конце концов, стихотворение «Я тебе привезу из Голландии Lego» по моему впечатлению представляет собой не столько размышление об уходе и смерти, сколько высказывание любви поэта. Как я заметил и другие, наверное, тоже заметили, слова «любовь» и «любить» ключевые, и по их частоте и по их смысловому грузу, в поэзии Бориса Рыжего, тем более в его последние годы.

Чтобы дать почувствовать нагруженность слова «любовь» в обсуждаемом стихотворении, вернусь к особенностям его фонетической и смысловой музыки. Самый драматический момент звукового и стилистического контраста имеет место в третьей и четвертой строках:

Можно годы вернуть, возратить человека
и любовь, да чего там, еще не конец.

Движение как бы длинной мелодической фразы, построенной на принципах повторения и постепенного расширения («вер-нуть, воз-вратить»; «го-ды, че-ло-век»), после переноса, или вернее высшего полета в новую строку, круто

обрывается на ее втором слове. Затем меняются и ритм и вся интонация. (В разговорных оборотах «да чего там, еще не конец» мне слышится намек на два самых внушительных — в смеси мужества с отчаянием — произведения репрессированного Мандельштама: «Жил Александр Герцевич, еврейский музыкант» и «Еще не умер ты, еще ты не один». Но это между прочим.)

Выделенность слова «любовь» в мелодике приводит к его выделению и в смысловом плане. Читатель невольно припоминает его как одно из самых значительных в стихотворении. В связи с этим обращаю еще раз внимание на его концовку. Раньше я заметил, что гласная «о», которой заключается сочинение, по своей природе имеет мрачные ассоциации. А, может быть, ударная часть слова «не-го» дает и повод к еще другим ассоциациям. Лично я склонен воспринимать ее как своего рода аккорд. Если поэтически понимать «любовь» в четвертой строке как единство идеи с ее звуковой оболочкой, то получается в финале ее дальнейшее эхо: «о – о».

Интерпретаторская натяжка? Не знаю. Во всяком случае, интерпретация финала как аккорд идей смерти и любви соответствует процитированному высказыванию поэта. Как и, шире, оно соответствует мысли, на первый взгляд парадоксальной, но вместе с тем — простой и глубокой, которая характерна для всей поэзии Рыжего последних лет. По этой мысли, или точнее вере, в человеческой жизни самое сильное, да, смерть, вина, чужая, но в первую очередь своя собственная, насилие, разлука, иногда невыносимо жестокая. Но любви они почему-то не трогают. Любовь остается. Меня бесконечно радует то, что Боря включил это слово в посвящение над стихотворением «Где обрывается память, начинается старая фильма», которое он считал своим лучшим. А что касается меня самого, если спросить меня о моем отношении и к поэту Борису Рыжему и к моему другу, то могу ответить коротко: я его любил, я его люблю.